

УДК 902/903

Э. Б. Зальцман

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРИМОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам раскопок поселений Прибрежное и Ушаково-3)

6

Археологические исследования, начатые еще в 1990-х гг., позволили выделить особую группу поселений на побережье Вислинского залива (Прибрежное, Ушаково-1–5) – памятники вальдбургского типа. С учетом ярко выраженного своеобразия местного культурного комплекса и раннего характера дат можно предположить существование протофазы в развитии приморской культуры шнуровой керамики, которую гипотетически следует относить ко времени 3100–2900 до н.э. Предположительно, основную роль здесь могли сыграть культура шаровидных амфор, а также культуры субнеолита.

Archeological research, which started back in 1990s, made it possible to single out a separate group of settlements on the Vistula Lagoon shore – Waldburg-type monuments. Taking into consideration the distinctive cultural features of the complex, and its early dating, we can safely assume the existence of a protophase in the course of Primorskaya Culture development, which hypothetically took place between 3100–2900 BC. Globular Amphorae Culture and Sub-Neolithic Cultures could have influenced the protophase the most.

Ключевые слова: северо-восточное побережье Вислинского залива, Калининградская область, приморская культура, культура шнуровой керамики, культура шаровидных амфор.

Key words: North-east coast of the Vistula Lagoon, Kaliningrad region (Russia), Primorskaya culture, Corded Ware Culture, Globular Amphorae Culture.

Вступление

Одной из основных преград для решения проблем, связанных с хронологией и периодизацией приморской культуры, является очевидный факт продолжительного существования береговых поселений. Эти поселки могли функционировать не одно столетие. Вероятно, имелись перерывы, когда население покидало обжитое пространство, но в дальнейшем данные территории вновь заселялись. Причем заселение могло происходить как родственными группами населения, ранее здесь обитавшими, так и различными в культурном и этническом плане, но использовавшими одни и те же удобные для проживания места. В итоге мы сталкиваемся с разнообразными и отличающимися коренным образом друг от друга формами посуды и других материалов, которые в прошлом нередко считали принадлежавшими одному периоду.

В течение 15 лет проводились исследования в Прибрежном, а в последние три года — в районе реки Прохладной (в 8 км юго-западнее Прибрежного), где удалось открыть еще несколько поселений приморской культуры (в данной статье охарактеризованы материалы только двух поселений) (рис. 1)¹. Полученный в результате археологических работ обширный материал серьезно расходится с данными изученных в прошлом комплексов приморской культуры. Отличия от ранее известных памятников оказались столь существенными, что автор отнес новые поселения к особой группе памятников вальдбургского типа, получившего наименование по исследованному наиболее широкими площадями поселенческому комплексу Прибрежное (Heide-Waldburg) [1, с. 74].

Однако важнейший вопрос, возникший при характеристике указанных материалов, лежит в несколько иной плоскости: возможно ли, исходя из анализа новых источников, включающих результаты радиоуглеродного датирования, типологии керамики и данных стратиграфии, достаточно ясно разделить их хронологически?

Поселение Прибрежное

Обозначенные проблемы не отменяют того факта, что в Прибрежном сохранились остатки заглубленных в грунт длинных домов, на дне котлованов которых зафиксировано большое количество керамического и иного материала. Именно наличие остатков построек выгодно отличает поселение Прибрежное от многих других памятников приморской культуры. Эти жилые сооружения можно считать относительно закрытыми комплексами. Постройки по большей части представлены двухрядной столбовой конструкцией вытянутой формы, заглубленной в материк до 0,6 м, длиной до 35 м, шириной 4–4,5 м с апсидообразным завершением, очажными ямами и пристройкой-входом (рис. 2). Не исключено, учитывая близкие радиоуглеродные определения, что постройки сгорели одновременно и на их месте не возводили новых.

Прежде чем рассмотрим радиоуглеродные даты, полученные по углю, кости и скорлупе ореха, происходящих из построек, необходимо кратко охарактеризовать обнаруженные в этих жилых структурах археологические материалы. Здесь на нижнем уровне заполнения встречались постоянно повторяющиеся формы посуды, как правило, в виде развалов, а также изделия из камня и янтаря. Данный факт, даже если не придерживаться результатов радиоуглеродного анализа, указывает на очевидную одновременность описываемых ниже материалов (рис. 3–6).

Пожалуй, одной из самых характерных черт керамического комплекса поселения является крайне незначительное количество кубков (в среднем не более 5,5 % от общего числа) и, напротив, преобладание крупных широкогорлых горшков, причем нескольких вариантов. Это касается и содержимого нижнего уровня построек, где зафиксированы широкогорлые горшки нескольких разновидностей (рис. 4), причем в

¹ Здесь и далее все рисунки приводятся в конце статьи.

жилищах 2, 3, 6 и 7 встречались массивные горшки яйцеобразной или воронковидной формы, диаметр которых мог достигать 35–40 см (рис. 4, 3–6). Для них свойственны короткая шейка, подковообразные ушки и незначительное по размерам, но массивное днище. Иной вариант представлен горшками приземистой формы с более или менее резким изгибом вблизи днища и прямым или загнутым внутрь венчиком (рис. 4, 1, 2). Эти сосуды чаще всего украшены относительно сложным орнаментом и не имеют следов нагара, как на предыдущих вариантах. Более редкой разновидностью широкогорлых горшков являются сосуды удлиненной тюльпановидной формы с прямым венчиком (рис. 4, 7).

Широкогорлые горшки сопровождают сосуды средних размеров, сходные с ними по большинству признаков, но имеющие иное соотношение горловины и днища (рис. 6, 8).

Кубки характеризуются очень короткой шейкой, слабо отогнутым венчиком и почти не выраженными плечиками. В целом они далеки от большинства европейских форм (рис. 5, 1, 3, 4, 6–8). У образцов с нижнего уровня построек к тому же очень короткая орнаментальная зона. Они украшены простейшими горизонтальными оттисками шнура, иногда совместно с наколами или шнуровым зигзагом.

Другой отличительной чертой керамического комплекса с нижнего уровня построек можно считать так называемые сосуды кубкообразной формы с прямым или слегка загнутым внутрь венчиком (рис. 5, 2, 5, 9).

Амфоры выделяются наиболее своеобразной формой (рис. 6, 2, 5). Первоначально их особенности трактовались как результат случайной деформации. Однако последующие находки амфор в жилищах и за их пределами показали, что подобная конфигурация — обычное явление. Эти амфоры характеризует прежде всего овальная форма горловины (при формовке горловина сжималась с боков, отчего силуэт сосуда сбоку и спереди различается серьезным образом) (рис. 6, 5).

Распространенной категорией посуды также можно считать глубокие миски (рис. 6, 1, 3, 4) и миски овальной или удлиненно-овальной формы (рис. 6, 6, 7). Орнамент в целом однообразен. Превалируют горизонтальные оттиски шнура, шнуровые полуовалы, зигзаг, декор в виде ямок.

Керамический комплекс дополняют изделия из камня и янтаря. Встречаются исключительно топоры и тесла трапециевидных очертаний, поперечное сечение которых имело линзообразную или овальную форму (рис. 3, 8–13). Примечательная черта комплекса — наличие миниатюрных топориков трапециевидной формы (рис. 3, 7). Некоторые из них оказались изготовлены из привозной яшмы. Янтарные украшения, выявленные в постройках, представлены уплощенными подвесками расширенной или удлиненной формы, линзообразными в сечении пуговицами и дисками с отверстием (рис. 3, 1–6).

Материалы из построек подтверждают находки с нижнего уровня культурного слоя и хозяйственных ям, впущенных в материк, вблизи указанных выше жилых и хозяйственных сооружений (за исключением керамики, обнаруженной в западной части поселения). В средней и верхней частях культурного слоя, перекрывающего заглабленные в материк постройки, превалируют две основные разновидности широко-

горлых горшков, хотя и близкородственные охарактеризованным выше, но отличающихся от них более плавными формами и четко выраженным изгибом в нижней части (рис. 7, 9, 10). Кроме того, преобладающим элементом орнамента здесь являются треугольники (рис. 7, 8, 10). На данном уровне чаще встречается орнамент, представляющий собой «бисер» и штампы в виде столбиков (рис. 7, 5, 12). Продолжает развиваться техника изготовления как глубоких мисок (рис. 7, 3, 4), так и горшков приземистой и сфероидной формы (рис. 7, 8, 11), а посуда яйцевидной и тюльпановидной форм, как и воронковидной, почти исчезает. Получают распространение и нехарактерные для нижнего уровня построек формы — небольшие по размерам приземистые миски, украшенные волной или полуovalами (рис. 7, 2), миски воронковидной формы, декорированные изнутри шнуровым орнаментом (рис. 7, 7), широкогорлые горшки с хорошо выраженной шейкой (рис. 7, 6, 12), кубки, орнаментированные треугольниками (рис. 7, 1). Таким образом, учитывая стратиграфические данные, можно сказать, что относительно высокая шейка, хорошо отогнутый венчик, преобладание в орнаментике мотивов треугольников — это черты, характерные для следующего этапа существования памятника. Однако, несмотря на выявленные различия, керамика с верхнего и среднего уровней культурного слоя поселения продолжает традиции, наиболее четко прослеживающиеся в жилищах и практически полностью связанные с ними своим происхождением (за исключением очень редких фрагментов посуды, обнаруженных на уровне 1–2-го горизонтов и датированных, вероятно, уже концом III — началом II тыс. до н. э.).

Следует особо подчеркнуть, что никаких иных форм посуды, кроме одиночных фрагментов инородной керамики, отражающих культурные связи жителей древнего поселка, в жилищах не зафиксировано. Среди них два фрагмента, происходящие из постройки 7 и относящиеся к культуре гребенчато-ямочной керамики. Они напоминают фрагменты со стоянок Бяла Гура (Weißenberg), Цедмар Д и Домбек (Eichenberg) [12, S. 19, Abb. 58, 59, 67, 68]. Остальная керамика пористая, также имеющая аналогии в местном лесном неолите. Указанные фрагменты вполне соответствуют времени, к которому принадлежит памятник, если, конечно, доверять датам.

Таким образом, большая часть керамического материала, выявленного в Прибрежном, гомогенна и несет следы постепенного развития, что резко контрастирует с картиной, наблюдаемой на поселениях Нида и Сухач, где керамические формы четко подразделяются на местные и на ведущие свое происхождение от общеевропейских. К общераспространенным относятся горшки с налечами и защипами, кубки с хорошо выраженной, часто довольно высокой шейкой, украшенные оттисками шнура и наколами [17, Abb. 25, 31, 144, 145, 147–149, 151; 25, p. 102, pav. 52: 5, 7; pav. 53: 1,2; p. 129–134, pav. 83–85]. Эти поселения связаны между собой также местными специфическими образцами посуды, такими как широкие приземистые миски с ушками, амфоры поздних типов, крупных размеров воронковидные горшки, овальной и удлиненной формы ванночки, нередко с шишкообразными налечами [17, Abb. 5–12, 91, 94, 100–104; 25, p. 102, pav. VIII, pav. 47–49, pav. 72: 1,6;

рав. 88–90]. В Прибрежном данные типы керамики отсутствуют. На первый взгляд, тому есть простое объяснение. Прибрежное — одно из самых поздних в ряду поселений приморской культуры, возникших на берегах Вислинского и Куршского заливов. Исходя из традиционных представлений, наиболее ранним в приморской культуре считается комплекс, к которому причисляют амфоры, орнаментированные пучками вертикально спускающихся вниз линий, кубки стройных очертаний и S-образной формы, украшенные простыми шнуровыми оттисками и наколами или ямками, широкогорлые горшки с пальцевыми защипами. Отдельные местные компоненты включают в себя прежде всего ладьевидные сосуды и некоторые варианты широкогорлых горшков. Естественно, присутствовало влияние культуры шаровидных амфор (КША) уже на первой ступени. Но основу начальной фазы приморской культуры все-таки составляли элементы ранней культуры шнуровой керамики (КШК), обязанные своим происхождением территории Средней Европы [18, p. 142; 21, s. 378; 22, s. 128; 26, S. 301; 31, p. 361; 34, s. 39; 5, с. 34–35].

Указанные формы, как теперь известно, во многих группах КШК прошли долгий путь развития. Возникает вопрос: почему, пусть и в видоизмененном состоянии и ограниченном составе, они не сохранились в Прибрежном, где мы знаем по большей части местные разновидности посуды, орудий из камня и янтаря? Влиянием одной КША это обстоятельство не объяснить. Отдельные виды орнамента, включающие штампы в виде столбиков, горизонтальные оттиски шнура, пересекаемые через определенные промежутки вертикальными, шнуровые полуovalы, бесспорно, связаны с КША, причем с соседними группами. Однако своеобразие пропорций посуды с поселения Прибрежное не позволяет считать ее только производной от керамики КША. Более того, можно утверждать, что практически все разновидности широкогорлых горшков, горшков средних размеров, сосудов кубковидной формы, кубков, амфор, мисок воронковидной формы невозможно полностью свести к формам, происходящим из КША.

Продолжительное время широкогорлые горшки, которые во фрагментированном состоянии находили на ряде поселений приморской культуры, совершенно бесосновательно считали проявлением традиций КША. Так как в Прибрежном обнаружены подобные сосуды с полным профилем, необходимость в их соотнесении с керамикой КША отпала. Эти широкогорлые горшки в самых общих чертах напоминают известные плоскодонные сосуды с широким устьем цедмарской культуры [7, с. 162, рис. 51; 14, рис. 2: a, d, e, j].

По углю, костям и скорлупе лесного ореха с нижнего и верхнего уровней построек в Прибрежном получено 18 радиоуглеродных дат (табл. 1). Стратиграфическое положение образца фиксировалось в обязательном порядке. Для контроля результата в одном случае из одного образца были получены две радиоуглеродные даты (уголь из очага постройки 4). В иных случаях датирование производилось в двух различных лабораториях. Но результаты в целом не противоречат друг другу.

Радиоуглеродные даты поселения Прибрежное

№	Датированный материал	Структура	14C возраст, ВР	OxCal (2013) 68,2 %	OxCal (2013) 95,4 %	Лабораторный индекс
1	Уголь	Постройка 2 (нижний уровень заполнения)	4670 ± 160	3644 – 3326 (56,8 %) 3231 – 3174 (6,4 %) 3161 – 3119 (5,1 %)	3765 – 3723 (1,5 %) 3716 – 3006 (91,8 %) 2989 – 2931 (2,1 %)	Ле-7035
2	Уголь	Постройка 3 (нижний уровень заполнения)	4880 ± 130	3906 – 3880 (3,9 %) 3801 – 3520 (64,3 %)	3958 – 3491 (85,9 %) 3470 – 3373 (9,5 %)	Ле-7036
3	Уголь	Постройка 10 (очаг А)	4720 ± 100	3633 – 3556 (24,9 %) 3539 – 3495 (14,4 %) 3465 – 3376 (28,9 %)	3708 – 3326 (91,7 %) 3231 – 3225 (0,2 %) 3220 – 3174 (1,9 %) 3161 – 3119 (1,7 %)	Ле-8969
4	Уголь	Постройка 5 (нижний уровень за- полнения)	4790 ± 125	3695 – 3497 (50,6 %) 3458 – 3377 (17,6 %)	3942 – 3857 (3,1 %) 3820 – 3332 (90,8 %) 3214 – 3188 (0,8 %) 3155 – 3131 (0,7 %)	Ki-17516
5	Уголь	Постройка 7 (верхний уровень заполнения)	4620 ± 150	3629 – 3585 (6,5 %) 3531 – 3311 (39,3 %) 3295 – 3286 (1,2 %) 3275 – 3265 (1,3 %) 3239 – 3106 (19,9 %)	3655 – 2925 (95,4 %)	Ki-18294
6	Уголь	Постройка 7 (нижний уровень заполнения)	4320 ± 90	3261 – 3255 (0,8 %) 3098 – 2872 (65,9 %) 2799 – 2793 (0,8 %) 2786 – 2780 (0,7 %)	3335 – 3211 (10,1 %) 3192 – 3152 (2,4 %) 3138 – 2837 (71,0 %) 2816 – 2672 (11,9 %)	Ле-8971

№	Датированный материал	Структура	14С возраст, ВР	ОxCal (2013) 68,2 %	ОxCal (2013) 95,4 %	Лабораторный индекс
7	Уголь	Постройка 4 (очаг)	4570 ± 60	3493 – 3468 (7,6 %) 3375 – 3319 (21,8 %) 3273 – 3267 (1,3 %) 3236 – 3112 (37,4 %)	3516 – 3397 (17,3 %) 3385 – 3091 (78,1 %)	Ki-10581
8	Уголь	Постройка 4 (очаг)	4510 ± 60	3346 – 3308 (12,6 %) 3301 – 3282 (6,1 %) 3277 – 3265 (3,9 %) 3240 – 3105 (45,6 %)	3486 – 3474 (0,6 %) 3372 – 3017 (94,8 %)	Ki-9948
9	Уголь	Постройка 3 (нижний уровень заполнения)	4410 ± 80	3316 – 3274 (7,7 %) 3266 – 3237 (6,6 %) 3110 – 2916 (53,9 %)	3340 – 3204 (25,8 %) 3198 – 2903 (69,6 %)	Ле-6218
10	Кость	Постройка 2 (нижний уровень заполнения)	4470 ± 60	3334 – 3212 (36,2 %) 3190 – 3153 (10,2 %) 3135 – 3086 (13,7 %) 3061 – 3030 (8,2 %)	3355 -3008 (90,1 %) 2985 – 2934 (5,3 %)	Ki-11352
11	Кость	Постройка 3 (нижний уровень заполнения)	4530 ± 60	3359 – 3311 (16,3 %) 3295 – 3286 (2,7 %) 3275 – 3265 (2,9 %) 3239 – 3106 (46,2 %)	3494 – 3467 (2,3 %) 3375 – 3079 (88,6 %) 3071 – 3025 (4,5 %)	Ki-11351
12	Кость	Постройка 6 (нижний уровень заполнения)	4570 ± 60	3493 – 3468 (7,6 %) 3375 – 3319 (21,8 %) 3273 – 3267 (1,3 %) 3236 – 3112 (37,4 %)	3516 – 3397 (17,3 %) 3385 – 3091 (78,1 %)	Ki-9949

13	Скорлупа ореха	Постройка 7 (очаг В)	4470 ± 70	3335 – 3211 (35,1 %) 3192 – 3152 (10,5 %) 3137 – 3085 (14,0 %) 3063 – 3029 (8,6 %)	3357 – 3004 (87,7 %) 2991 – 2930 (7,7 %)	Ле-9055
14	Уголь	Постройка 2 (очаг А)	4220 ± 40	2897 – 2862 (29,3 %) 2807 – 2758 (33,9 %) 2718 – 2708 (5,0 %)	2908 – 2839 (37,1 %) 2815 – 2675 (58,3 %)	Ле-6217
15	Уголь	Постройка 3 (верхний уровень заполнения)	3310 ± 150	1861 – 1853 (1,1 %) 1772 – 1425 (67,1 %)	2014 – 1998 (0,4 %) 1979 – 1257 (94,4 %) 1251 – 1231 (0,6 %)	Ki-18292
16	Уголь	Постройка 3 (нижний уровень заполнения)	3930 ± 130	2617 – 2612 (0,5 %) 2581 – 2204 (67,7 %)	2868 – 2803 (4,3 %) 2777 – 2122 (88,7 %) 2093 – 2042 (2,4 %)	Ki-18293
17	Уголь	Постройка 3 (нижний уровень заполнения)	4010 ± 140	2856 – 2811 (6,6 %) 2747 – 2725 (3,0 %) 2698 – 2345 (58,6 %)	2897 – 2194 (94,1 %) 2176 – 2145 (1,3 %)	Ki-17548
18	Уголь	Постройка 5 (верхний уровень заполнения)	3870 ± 150	2569 – 2516 (6,5 %) 2500 – 2135 (61,4 %) 2069 – 2065 (0,4 %)	2862 – 2807 (2,5 %) 2758 – 2718 (1,5 %) 2708 – 1939 (91,4 %)	Ki-18316

Большинство радиоуглеродных определений четко делится на две группы. В первой группе 4 даты, принадлежащие промежутку 3600–3300 до н.э. (№1–5). С этими датами согласуется радиоуглеродное определение по углю с верхнего уровня постройки 7 (№5). Вторая группа представлена 4 датами по углю, укладываемых в вероятный интервал 3100–2900 до н.э. (№6–9). Данной группе дат соответствуют радиоуглеродные определения, полученные по иным, более надежным органическим материалам – в трех случаях по кости и в одном по обгоревшей скорлупе лесного ореха (№10–13).

Даты в диапазоне около 3600–3300 до н.э. совершенно ясно выделяются на фоне остальных, показывая слишком раннее время. Наиболее вероятно, что причина этого кроется в так называемом «эффекте старого дерева», который мог привести к отклонению от календарного возраста. Остальные перечисленные здесь по углю радиоуглеродные определения, относящиеся ко 2-й группе, видятся более корректными, учитывая их совпадения с датами из недолговечных материалов (№6–13).

Очаг А из постройки 2, датированный 4220 ± 40 ВР (Le-6217), возник, очевидно, позднее. Это доказывается стратиграфически – ниже зафиксирован еще один, более ранний очаг В (№14). Видимость противоречия создают две относительно поздние даты из постройки 3, соответствующие интервалу около 2500–2300 до н.э. (№16, 17). Однако наличие незначительного количества фрагментов керамики позднего происхождения вполне может объяснить несоответствие. Эти фрагменты резко отличаются от основного массива керамики качеством обжига, плотностью, формой и орнаментом (высокая шейка и, соответственно, широкое орнаментальное поле, простой шнуровой орнамент, слабый обжиг). Наиболее вероятно, что эти материалы проникли механическим путем с верхнего уровня, где также зафиксирована аналогичная керамика. В целом, подобные фрагменты керамики выявлены в незначительном количестве на верхнем уровне заполнения всех котлованов построек в Прибрежном, а также в верхней части культурного слоя. Уголь с верхнего уровня постройки 5 показал время в диапазоне около 2400–2100 до н.э. (№18). Эта дата совершенно не противоречит находкам с верхнего уровня, среди которых около 20 фрагментов керамики типичны для второй половины III тыс. до н.э. Отдельные фрагменты с верхнего уровня постройки 7 характерны уже для первой половины II тыс. до н.э. Впрочем, все поздние даты имеют высокое стандартное отклонение, отчего опираться на них затруднительно. Другая дата с верхнего уровня происходит из постройки 3 (№15). Она выглядит еще более поздней, чем предыдущая, принадлежа уже середине II тыс. до н.э. Находки, которые можно отнести к этому времени, единичны на поселении, поэтому доверять этой дате не приходится.

Не составляет труда заметить, что большинство радиоуглеродных дат с нижнего уровня не соответствует традиционным представлениям о времени бытования приморской культуры. В основном даты, полученные по углю, костям и скорлупе ореха в двух различных радиоуглеродных лабораториях соответствуют фазе IIb в КША [29, s. 75].

Даже если учитывать самый конец интервала, основная часть радиоуглеродных значений указывает на промежуток в 3100–2900 до н. э. Можем ли мы доверять датам, которые видятся более ранними, чем в среднем по Европе? Сомнение относительно точности результатов радиоуглеродного датирования в приморской культуре в целом уже высказывалось [11, S. 113].

Основные радиоуглеродные определения из Жуцево и Ниды датируют памятники около 2500 BC [19, s. 335; 6, с. 160]. Эти даты, как и большинство находок из культурного слоя и хозяйственных объектов, а в случае с Жуцево и непосредственно из жилища, соответствуют классической фазе приморской культуры, где одной из широко распространенных форм является посуда типа *Wulstleistentöpfe*. Тем не менее с Ниды происходят иного рода датировки, близкие радиоуглеродным значениям из Прибрежного [25, р. 176]. Впрочем, среди керамических изделий из Ниды встречаются редкие образцы, аналогичные обнаруженным в средней и верхней частях культурного слоя в Прибрежном, хотя их количество невелико. К ним следует причислить фрагменты амфор, скорее всего, с овальной формой горловины, широкогорлые горшки с короткой шейкой, с подковообразными ушками, орнаментированные шнуровыми зигзагами, треугольниками, вертикальными линиями, а также отпечатками пальцев и отдельные варианты глубоких мисок [2, pav. 50: 3, 5, 12; pav. 66: 6; pav. 73: 5, 7; pav. 74: 6, 9; pav. 75: 1, 3; pav. 76: 4; pav. 80: 4, 8; pav. 82: 7, 11; pav. 91: 8, 10]. Остальные местные разновидности с более выраженной шейкой и разнообразным орнаментом производят впечатление поздних и относящихся ко времени не ранее 2600–2500 до н. э.

Что касается Прибрежного, то здесь возникает более сложная ситуация: совершенно очевидным является факт ярко выраженного своеобразия в конструкциях жилых сооружений, керамике, изделиях из камня. Соответственно, эти материалы не содержат четких и ясно датируемых особенностей.

Несомненно, опираться только на даты, полученные по углю и показывающие более ранний результат, нежели по кости в соседних регионах, было бы ошибкой. Пока есть только четыре даты из Прибрежного, полученные по кости и скорлупе лесного ореха, и они подтверждают ранний характер большинства остальных радиоуглеродных определений.

С другой стороны, если настаивать на позднем характере памятника, то странным будет то, что основной культурный комплекс поселения Прибрежное оказался непрозрачным для ряда форм керамики и орнамента, украшений из янтаря, изделий из камня, которые распространяются вблизи побережья Балтийского моря в конце существования КШК. Речь прежде всего идет о прямостенных кубках с коротким отогнутым венчиком, покрытыми простыми оттисками шнура сверху донизу, в иных случаях разделенными на пояса [17, Abb. 82–84; 4,

с. 104, рис. 4: 1–3], горшковидных кубках с одиночным выступом для захвата в верхней части [17, Abb. 80, 85], сосудах с резко отогнутым или же приплюснутым венчиком [23, tabl. 98: 3–11; tabl. 84: 1–4), посуде со штрихованной поверхностью [23, tabl. 96: 8, 9; 27, p. 24, rav. 6], с нарезным или процарапанным орнаментом [34, гус. 9: 4; 10, p. 138, rav. 17: 5–8]. В основном культурном комплексе в Прибрежном отсутствуют какие-либо следы соседних культурных формирований конца III – первой половины II тыс. до н. э. В этом контексте поселение Прибрежное видится полностью изолированным. Иностранная керамика, зафиксированная в постройках, почти целиком связана с культурами лесного неолита.

Добавим, что керамические формы, аналогичные широкогорлым горшкам и некоторым другим категориям посуды из Прибрежного, встречались в материалах стоянок Швянтойи 6 и 2/4А, где зафиксированы, казалось бы, бесспорные следы КША [29]. К ним относятся вертикальные, со слегка выпуклыми стенками сосуды и широкогорлые горшки с S-образным венчиком [29, rav. 144: 4, 8; 259: 12; 143: 1, 8; 259: 9, 10, 15). По Р. Римантене, они не связаны с КША [29, p. 131]. От остальной керамики данные сосуды отличаются более высокой плотностью и толщиной стенок. Один из фрагментов украшен полуовалами, выполненными оттисками в виде бисера [29, p. 132, rav. 143: 1), то есть в том же стиле, что и в Прибрежном (рис. 7, 5) [2, рис. 7: 7].

Характерно, что сходство проявляется не только в формах и орнаментике отдельных категорий посуды, но и в изделиях из янтаря и камня. Специфический для Прибрежного тип украшения из янтаря – уплощенная подвеска продолговатой формы с выемкой в основании (рис. 3, 1, 2, 4) [1, с. 46–49, рис. 29], обычна и для стоянок Швянтойи 2/4А и 6 [28, S. 89–91, Abb. 4, 6]. За исключением ладьевидных и сегментовидных пуговиц с V-образными отверстиями, остальной набор янтарных украшений, включающий линзовидные пуговицы и диски с отверстием в центре, также присущ поселению Прибрежное (рис. 3, 1–6). Картину дополняет каменный топор с зауженным обухом из Швянтойи 2/4А, типичный для памятников вальдбургского типа [29, rav. 145: 2]. Датируются стоянки Швянтойи 2/4А и 6 около 2720 ВС и 2630 ВС соответственно [30, p. 67].

Что касается региональных групп КШК, то здесь не имеет смысла проводить более широкий сравнительный анализ перечисленных материалов. Ранняя керамика с поселений КШК в Средней Европе, за редким исключением, однообразна и представлена нередко посудой типа *Wulstleistentöpfe*, не имеющей ничего общего с вышеназванными формами широкогорлых горшков [9, S. 20–25; 32, p. 65]. Ее ранний характер доказываются дендродатами из швейцарских поселений [11], хотя этот тип посуды продолжает существование на отдельных территориях, по крайней мере, и в классическую фазу [25, p. 129–134, rav. 83–85].

Таким образом, необходимы дальнейшие исследования поселения Прибрежное, чтобы добиться более ясных результатов. Параллельно требуются раскопки аналогичных памятников, где могут быть более

подходящие условия для сохранности органических материалов. Что касается обсуждаемых здесь вопросов, то итоги раскопок в Ушаково-3, по-видимому, не только подчеркивают своеобразие местного культурного типа, но и показывают одновременно его эволюцию во времени.

Поселение Ушаково-3

Поселение Ушаково-3 расположено в 8 км юго-западнее Прибрежного, в пределах береговой террасы, с востока ограниченной впадающим в залив ручьем (рис. 1). Исследования в Ушаково-3 проводились условными горизонтами толщиной 4 см. Всего горизонтов насчитывается 19, раскопано 100 м². Почти все находки, полученные в ходе исследований поселения Ушаково-3, происходят, в отличие от находок в Прибрежном, из культурного слоя, смытого родниковыми потоками воды на более нижний береговой выступ.

Технологически для керамики с горизонтов 1–15 выделяются две группы керамики. Фрагменты керамики, преимущественно зафиксированной на горизонтах с 1-го по 4-й, имеют слабый обжиг и слишком большое количество дресвы в керамической массе. Крупные зерна дресвы выступают на поверхности.

Среди керамики, зафиксированной на уровне горизонтов 4–12, преобладают кубки нескольких разновидностей. Наиболее многочисленны сосуды с хорошо отогнутым венчиком, выделенной и зауженной шейкой и, видимо, более или менее выпуклым туловом (рис. 8, 4–9). Есть и простые кубки с S-образным профилем (рис. 8, 1–3, 11). Также встречаются кубки с прямыми стенками (рис. 8, 10). Они, вероятно, могли быть полностью орнаментированы шнуром. Кубковидные сосуды напоминают кубки, но обладают более крупными размерами (рис. 9, 2, 3–6). Шейка у них отсутствует, но часто есть рожковидные или языковидные налесты. Некоторые из этих сосудов отличались своеобразным орнаментом, основу которого составлял мотив елочки (рыбьей кости) в виде мелких прямоугольных столбиков и рядов ямок (рис. 9, 3, 4). Горшки средних размеров почти всегда украшены лишь горизонтальными оттисками шнура, в одном случае перемежающимися с вертикальными (рис. 9, 1, 8, 9). Не менее распространенными являются горшочки бочковидной формы (рис. 10, 1, 5–12). Амфоры в большинстве с покатым туловом, обладают ушками в районе шейки и плечиков (рис. 8, 13–16). Ушки нередко орнаментировались оттисками шнура, образующих елочку (рис. 8, 13, 15). У отдельных амфор яйцевидное тулово (рис. 8, 6). Широкогорлые горшки в основном представлены двумя типами – с S-образным верхом и слабопрофилированные, украшенные простейшим шнуровым орнаментом (рис. 9, 10). Последней категорией являются неорнаментированные или декорированные простейшим шнуровым орнаментом глубокие миски (рис. 10, 3, 4).

Керамика с горизонтов 4–15 имеет лучший обжиг, она неплохо заглажена, количество дресвы не столь велико, хотя размеры включений значительные (0,03–0,05 мм) и они также выступают на поверхности.

Топоры все трапециевидной формы, но обух не столь заужен, как в Прибрежном. Янтарных украшений обнаружено на удивление мало, представлены лишь пронизь трубчатой формы и обломок пластины.

С 16-го по 19-й горизонты превалирующей становится посуда иного типа, включающая в себя кубки с короткой шейкой; похожие на них кубковидные сосуды, которые происходят и с верхних горизонтов, но технологически от них неотличимы (рис. 11, 1–6; 12, 1, 3, 4); миски удлиненно-овальной формы (рис. 11, 10, 11); амфоры с покатыми плечиками и высокой горловиной (рис. 11, 7); глубокие миски (рис. 11, 12, 13, 15); широкогорлые горшки (рис. 12, 2, 5–10), в том числе приземистой формы (рис. 12, 2, 5). Орнамент крайне однообразный и в основном представлен сочетанием оттисков шнура и ямок или мелких насечек (рис. 11, 1, 5, 6; 15, 3, 4, 10). Также обычны простые шнуровые оттиски. Намного реже встречаются оттиски шнура в виде треугольников, полуовалов, вертикальных линий и волны (рис. 11, 8, 9; 15, 5, 8). Посуда имеет хороший обжиг, черепок более плотный в сравнении с керамикой с 4-го по 15-й горизонт. Поверхность хорошо заглажена, зерна дробленого кварца или гранита почти не выступают на поверхности. Их размеры — всего 0,01–0,02 мм, и даже в крупных широкогорлых горшках величина минеральной примеси составляет только 0,02–0,03 мм.

Аналогии данному комплексу обнаруживаются в Прибрежном. Преобладающая часть радиоуглеродных дат, полученных с поселения Ушаково-3, вероятно, вполне согласуются с обнаруженными материалами (табл. 2). Три наиболее поздние даты, происходящие с горизонтов 4, 10 и 11 (№19, 21, 22), соотносятся с концом позднего неолита и ранним бронзовым веком, который по прибалтийской периодизации начинается со II тыс. до н. э. [8, р. 19]. Керамика, найденная в самых верхних горизонтах, также соответствует этому времени. Еще четыре даты лежат в вероятном диапазоне около 2300–2100 до н. э. (№20, 23, 24, 26). Основная часть керамического материала, выявленного в пределах горизонтов 4–13, совершенно не противоречит этим четырем датам (рис. 6–10). Все они характерны для постклассического этапа приморской культуры. Частично аналогичные материалы, хотя и в незначительном количестве, встречались и на нижнем уровне, вплоть до 18-го горизонта. Но в целом, с 16-го по 19-й горизонты (отдельные фрагменты, типичные именно для поселения Прибрежное, фиксировались уже на 12–15-м горизонтах) культурный слой содержал преимущественно керамику, наиболее яркие аналогии которой можно увидеть только в Прибрежном (рис. 11, 12). К ним принадлежат глубокие миски, кубки с короткой шейкой, миски овальной формы, сосуды средних размеров и, наконец, широкогорлые горшки с простейшей шнуровой орнаментацией. Исключения составляют кубок с вогнутым венчиком (рис. 11, 14) и амфора с цилиндрической шейкой (рис. 11, 8). Она не находит аналогий на остальных поселениях приморской культуры, в большей степени напоминая одну из амфор культуры Злота [20, fig. 21: a].

Радиоуглеродные даты поселения Ушаково-3

№	Датированный материал	Структура	14С возраст, ВР	OxCal (2013) 68,2 %	OxCal (2013) 95,4 %	Лабораторный индекс
19	Уголь	Горизонт 4 (культурный слой)	3680 ± 170	2336 – 2323 (1,3 %) 2308 – 1877 (63,5 %) 1841 – 1821 (2,0 %) 1796 – 1782 (1,4 %)	2567 – 2523 (1,3 %) 2498 – 1638 (94,1 %)	Ki-18693
20	Уголь	Горизонт 7 (культурный слой)	3840 ± 90	2458 – 2201 (68,2 %)	2565 – 2526 (2,1 %) 2496 – 2033 (93,3 %)	Ki-18300
21	Уголь	Горизонт 10 (культурный слой)	3680 ± 80	2196 – 2171 (6,3 %) 2146 – 1951 (61,9 %)	2335 – 2324 (0,3 %) 2307 – 1877 (94,0 %) 1841 – 1823 (0,6 %) 1795 – 1783 (0,4 %)	Ki-18099
22	Уголь	Горизонт 11 (культурный слой)	3510 ± 90	1950 – 1737 (63,8 %) 1715 – 1696 (4,4 %)	2127 – 2090 (2,1 %) 2045 – 1621 (93,3 %)	Ki-18608
23	Уголь	Горизонт 14 (культурный слой)	3920 ± 80	2559 – 2536 (5,1 %) 2491 – 2291 (63,1 %)	2622 – 2194 (93,8 %) 2175 – 2145 (1,6 %)	Ki-18601
24	Уголь	Горизонт 15 (культурный слой)	4010 ± 80	2836 – 2816 (3,8 %) 2671 – 2455 (62,3 %) 2418 – 2408 (1,4 %) 2374 – 2369 (0,7 %)	2865 – 2805 (7,7 %) 2761 – 2296 (87,7 %)	Ki-18105
25	Уголь	Горизонт 13 (культурный слой)	4430 ± 60	3320 – 3273 (10,8 %) 3266 – 3236 (8,3 %) 3169 – 3164 (1,1 %) 3113 – 3005 (33,6 %) 2990 – 2930 (14,4 %)	3338 – 3207 (29,1 %) 3195 – 2917 (66,3 %)	Ki-18096

№	Датированный материал	Структура	14С возраст, ВР	ОxCal (2013) 68,2 %	ОxCal (2013) 95,4 %	Лабораторный индекс
26	Уголь	Горизонт 17 (культурный слой)	3790 ± 50	2295 – 2139 (68,2 %)	2455 – 2418 (3,0 %) 2407 – 2376 (3,2 %) 2351 – 2119 (81,6 %) 2097 – 2040 (7,6 %)	Ki-18605
27	Уголь	Горизонт 16 (культурный слой)	4390 ± 130	3328 – 3218 (18,9 %) 3178 – 3159 (3,1 %) 3122 – 2899 (46,2 %)	3497 – 3458 (1,4 %) 3377 – 2836 (87,7 %) 2816 – 2670 (6,3 %)	Ki-18302
28	Дерево	Горизонт 17 (культурный слой)	4380 ± 40	3079 – 3071 (3,9 %) 3024 – 2921 (64,3 %)	3263 – 3249 (1,4 %) 3100 – 2903 (94,0 %)	Ki-18097
29	Дерево	Горизонт 18 (культурный слой)	4210 ± 50	2897 – 2856 (22,1 %) 2811 – 2747 (34,2 %) 2725 – 2698 (11,9 %)	2910 – 2832 (30,1 %) 2821 – 2632 (65,3 %)	Ki-?
30	Дерево	Горизонт 18 (культурный слой)	4230 ± 40	2902 – 2864 (37,6 %) 2806 – 2760 (30,6 %)	2913 – 2841 (44,1 %) 2814 – 2678 (51,3 %)	Ki-?
31	Деревянная свая, 10 внешних колец	Горизонт 19	4310 ± 50	3011 – 2978 (17,9 %) 2967 – 2951 (5,8 %) 2943 – 2887 (44,5 %)	3091 – 2872 (95,4 %)	Ki-18111
32	Деревянная свая, 10 внешних колец	Горизонт 19	4370 ± 50	3081 – 3069 (5,5 %) 3026 – 2913 (62,7 %)	3312 – 3295 (1,0 %) 3286 – 3275 (0,6 %) 3266 – 3238 (2,7 %) 3108 – 2891 (91,1 %)	Ki-18101

Даты, полученные с нижнего уровня (17–19-й горизонты) выглядят гораздо старше, даже если учитывать самый конец интервала – 2900–2700 до н. э. (№25, 27–30). Среди них только одна дата получена по углю, остальные – по дереву, в том числе по деревянной свае. Десять внешних колец деревянной сваи датировались дважды, но радиоуглеродные определения оказались схожими (№31, 32). Все-таки рациональней опираться на две последние даты по дереву (№29, 30), полученные в 2015 г. и относящиеся к промежутку 2800–2700 до н. э.

Основной керамический комплекс из Ушаково-3 наибольшее сходство проявляет не с материалами из Ниды, Сухач и Жуцево, а со стоянкой Неджведжувка в Вислинских Жулавах [24]. Хотя керамика на этой стоянке орнаментирована слабо, формы посуды по большей части аналогичны тем, что известны с Ушаково-3. Формы посуды и орнамента в Ушаково-3 намного разнообразнее, но это связано с характером памятников. Неджведжувка – это стоянка, которая существовала только в определенные сезоны. В целом, между этими памятниками существует, по-видимому, тесное родство, и отсутствие отдельных категорий посуды в Неджведжувке никак не отменяет этого утверждения. Прежде всего одинаковы прямостенные или со слегка изгибающимся внутрь венчиком сосуды, аналогичны горшочки с выпуклыми боками, близки по форме глубокие миски, горшки средних размеров с короткой шейкой, но хорошо выраженным венчиком, сосуды с рожкообразными и шишкообразными налепами [24, рис. 142: 4, 5; 144: 1, 3; 146: 1–3; 149: 5, 8; 155: 2–4; 158: 1, 3; 159: 2; 160: 2; 161: 6 и др.]. Пожалуй, лишь большое число широкогорлых горшков с выпуклыми боками в Неджведжувке отличает этот памятник от Ушаково-3. Соответствует и дата из Неджведжувки – 3740 ± 80 (Gd-15687) [24, s. 53].

Керамический комплекс поселения Ушаково-3 отражает не только связи с отдельными поселениями приморской культуры, но и возможные контакты с иными культурными формированиями. Причем направление культурных связей иное, чем в Прибрежном, целиком соответствующее этапу, к которому принадлежит основной керамический комплекс памятника. Несколько фрагментов, приблизительно от четырех сосудов, в том числе фрагмент амфоры (рис. 8, 12), имеют прямое отношение к межановицкой культуре раннего этапа [16, s. 29–53, рис. 11: 11, 13; 14: 32, 33, 37; 16: 7]. У многих амфор в Ушаково были ушки, украшенные шнуровой елочкой (рис. 8, 13, 15), что находит параллели в стжижовской культуре [13, s. 46, tabl. 9: 13; 12: 3, 7]. Кубкам с зауженной шейкой и туловом выпуклых очертаний (рис. 8, 4–9) нет аналогий среди керамики с поселений восточной группы приморской культуры; в их пропорциях, вероятно, также просматриваются южные традиции [33]. Декор, состоящий из столбиков, образующих елочку (рыбью кость) (рис. 9, 3, 4, 7), встречается на керамике с памятников типа Зомбье-Шестно в Мазурском Поозэрье [23, tabl. 46: 5; tabl. 32: 14; 4, с. 104, рис. 5: 5, 7], также известен в Белорусском Понеманье в КШК (группа 1, тип 3, по В.Л. Лакизе) [3, с. 104, табл. 11: 15; 23: 4, 5; 29: 6, 7, 9; 31: 11–17].

Выводы

В случае с поселениями Прибрежное и Ушаково-3 мы явно столкнулись с различными этапами развития приморской культуры. Если верна идея о прямой связи приморской культуры с культурой шаровидных амфор, а эту мысль высказывал еще Э. Штурмс, то гипотетически материалы с нижнего уровня заполнения построек из Прибрежного следует связывать с протофазой (*Vorstufe*), относящейся ко времени не позднее 2900 до н.э., когда ранняя КШК еще не проявила себя в Прибалтике. С очень большой осторожностью можно предположить следующее: изначально импульс исходил от КША, хотя уже на первом этапе были выработаны собственные формы, которые лишь очень отдаленно напоминают образцы керамики упомянутой культуры. Широкогорлые горшки с небольшим по размеру днищем и миски овальной формы (иначе называемые ладьевидными сосудами), связанные своим происхождением, предположительно, с местной цедмарской культурой лесного неолита, являются наиболее важным компонентом комплекса и сквозными типами, проходящими через несколько фаз. Но на одном из последних этапов ладьевидные сосуды исчезают, и это легко увидеть в Ушаково-3.

Важно подчеркнуть, что посуда в Прибрежном характеризуется однообразным стилем, и это относится не только к форме и декору, но и технологическим особенностям. В дальнейшем, судя по материалам Ушаково-3, однородность отчасти нарушается, хотя в целом культурная основа сохраняет свою самостоятельность. Исходя из данных стратиграфии, типологического анализа, серий радиоуглеродных дат, наиболее ранние варианты, относящиеся к протофазе (3100–2900 до н.э.), — это отдельные разновидности широкогорлых горшков, включая яйцеобразные, воронковидные, прямостенные или приземистые с загнутым внутрь венчиком формы (рис. 4, 1–7). В лучшем случае эти сосуды орнаментировались горизонтальными оттисками шнура или полуовалами. Кроме того, все они имеют подковообразные ушки (рис. 4, 1, 3, 5, 6), распространенные в это время на посуде в КША и поздней КВК. Другой ранней формой следует считать миски овальной и овально-удлиненной формы, которые могли служить светильниками (рис. 6, 6, 7). Редкие кубки все продолговатой формы, с короткой шейкой, украшенные простыми шнуровыми оттисками изредка в сочетании с наколами (рис. 5, 1, 3, 4, 6–8). Амфоры обладают овальной формой горловины (рис. 6, 2, 5). Остальные ранние типы посуды ограничены горшками средних размеров, сосудами кубкообразной формы и глубокими мисками (рис. 5, 2, 5, 9; 6, 1, 3, 4, 8). Все они в целом повторяют очертания широкогорлых горшков. Орнамент устойчив и включает простые шнуровые оттиски, зигзаг, в более редких случаях ряды ямок или прямоугольных столбиков. Типичным видом орнаментации посуды ранне-

го этапа являются шнуровые полуовалы. Для КШК в целом они не характерны, но широко встречаются в отдельных группах КША. Топоры все трапециевидной формы, овальные или линзовидные в поперечном сечении (рис. 3, 8 – 13). Среди редких украшений из янтаря выделяются подвески трапециевидной или уплощенно-удлиненной формы с выемкой в основании, округлые пуговицы, линзовидные в сечении, линзовидные диски с отверстием в центре (рис. 3, 1 – 6).

Вероятно, в дальнейшем на поселении горшки воронковидной и яйцевидной форм, кубки с продолговатым туловом постепенно выходят из употребления. Орнамент становится разнообразней и, помимо шнурового, включает ряды различной формы ямок, столбиков, образующих сочетание горизонтальных и ломаных линий, оттиски пальцев.

По всей видимости, почти ничего из этого нельзя сказать о наиболее известных памятниках приморской культуры (Сухач и Нида), также существовавших продолжительное время на побережье. Культурный комплекс данных поселений, несомненно, оказался восприимчив для целого ряда общешнуровых форм, встречающихся на более широком пространстве, чем территория Прибалтики, то есть он эволюционировал в ином направлении. Материалы из этих памятников, даже с учетом местного своеобразия, не вступают в противоречие с находками из других регионов Европы, что в свое время позволило выстроить концепцию происхождения и развития приморской культуры (с некоторыми вариациями у отдельных авторов), соответствующую общепринятым представлениям о распространении КШК.

Несмотря на множество различий, можно констатировать, что основной культурный комплекс Ушаково-3 своим происхождением тесно связан с памятниками вальдбургского типа, хотя, если следовать радиоуглеродным датам и типологии посуды, последней пришлось пройти долгий путь, видоизменившись, потеряв многие формы при распространении новых, ранее неизвестных. Прибрежное и Ушаково-3 оказываются в таком случае на противоположных отрезках временной шкалы.

Судя по материалам из Ушаково-3, выходят из употребления миски ладьевидной формы. Бесследно исчезают широкогорлые горшки приземистой или округлой формы, а также горшки воронковидной и яйцевидной форм. Амфоры имеют совершенно иной вид. Подковообразные ушки, столь широко распространенные в Прибрежном, крайне редки. Вместо них на сосудах преобладают языкоподобные ручки или шишкообразные и рожкоподобные налесты, обычные и для большинства остальных известных комплексов приморской культуры (рис. 9, 5 – 7). Шейка у большего количества сосудов становится выше и, соответственно, орнаментальное поле заметно увеличивается. Своеобразный бисерный орнамент оказывается забыт. Отмирает идея орнаментировать сосуды шнуровыми полуовалами, и даже треугольники встречаются нечасто. Декор, состоящий из столбиков, приобретает иной облик.

Вместо сочетаний горизонтальных линий и зигзага, образованных столбиками, оказываются популярны схемы в виде елочки (рыбьей кости) или сочетаний оттисков шнура с ниже расположенным поясом из столбиков (рис. 9, 3, 4, 7). Ямочные орнаменты вырождаются. Многообразны кубки, как в количественном, так и в видовом отношении, но среди них преобладают неизвестные ранее сосуды с зауженной шейкой и округлым туловом (рис. 8, 4–9). В отличие от Прибрежного, посуда в Ушаково-3 имеет слабый обжиг и более тонкие стенки, и только на самых нижних горизонтах выявлены фрагменты, по плотности не уступающие обнаруженным в Прибрежном.

В целом, керамические формы и, в большей степени, орнамент приближаются к общераспространенным на соседних территориях, хотя еще продолжают существовать отдельные типы посуды, унаследованные из предшествующих этапов. Но они выглядят заметно упрощенными и стандартизированными. У широкогорлых горшков теперь языковидные ушки и почти всегда высокая шейка, отчего их профиль несколько изменяется. Миски однообразны по форме, орнаментированы простыми оттисками шнура или вовсе без орнамента. Сосуды кубкообразной формы оформлены совершенно иным образом, сообразно периоду, к которому они относятся. Кубки с короткой шейкой в верхних горизонтах редки, большинство из них найдено не выше 14-го горизонта.

Критериями наличия ранних материалов на нижнем уровне культурного слоя в Ушаково-3 послужила керамика, по форме, орнаменту и технологическим признакам аналогичная посуде из Прибрежного. Разница состоит в том, что в Ушаково преобладающим видом орнамента на керамике с нижнего уровня являются сочетания шнура и ямок, обычные для раннего этапа КШК.

Большая часть выявленного материала в Ушаково-3 (горizontы 4–15) соотносится с постклассической фазой развития приморской культуры. Материалы классической фазы, широко представленные в Ниде, Сухач и Жуцево, неизвестны. Их нет и в постройках из Прибрежного. Единственная дата из Ушаково, которая соответствует этому времени, — 4010 ± 80 BP, скорее всего, завышенная.

Учитывая вышеизложенное, трудно сомневаться, что конструктивные особенности жилых сооружений, керамический комплекс, как и материальная культура в целом, коренным образом отличаются от собственно древностей КШК. По всей видимости, культурные процессы на побережье Вислинского залива, по крайней мере на раннем этапе, протекали иначе, чем на сопредельных территориях. В таком случае не могло ли произойти так, что созданная ранее для территории Средней Европы культурная модель была искусственно перенесена на регион, где эта модель оказалась не работающей?

Рис. 1. План-расположение поселений приморской культуры на северо-восточном побережье Вислинского залива

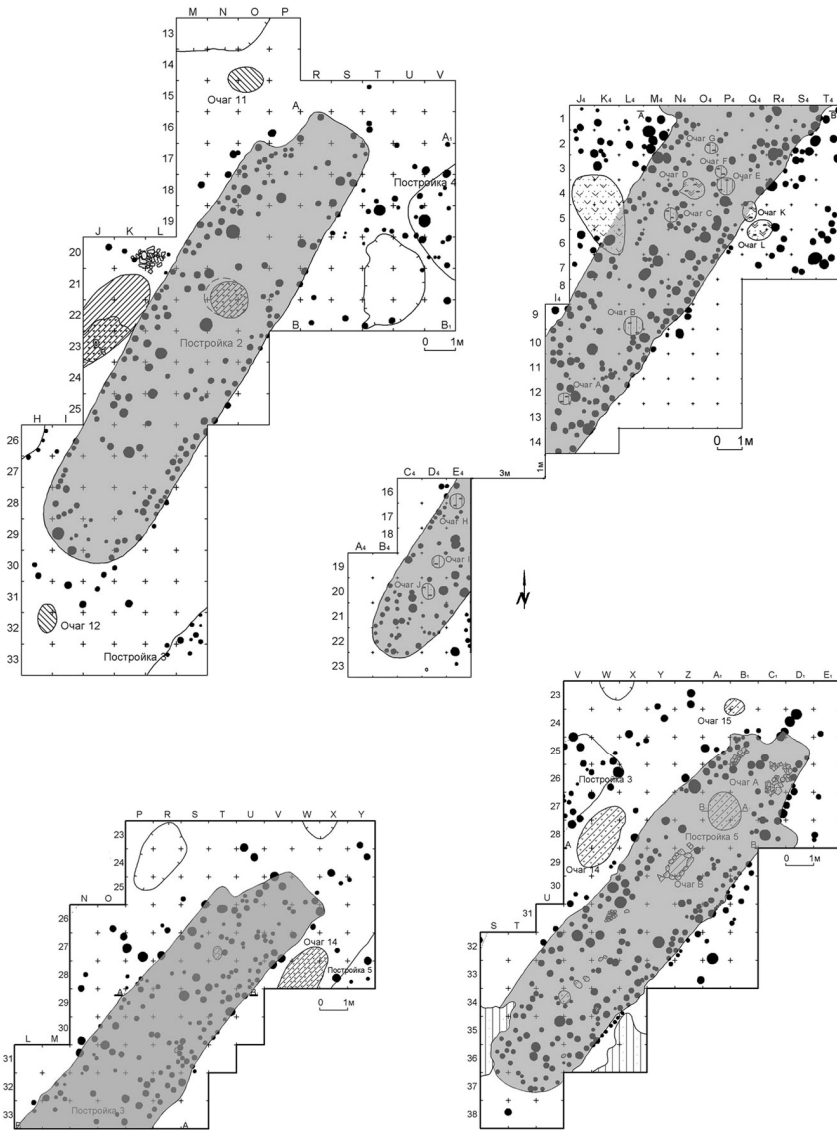

Рис. 2. Поселение Прибрежное.
Постройки двухрядной столбовой конструкции

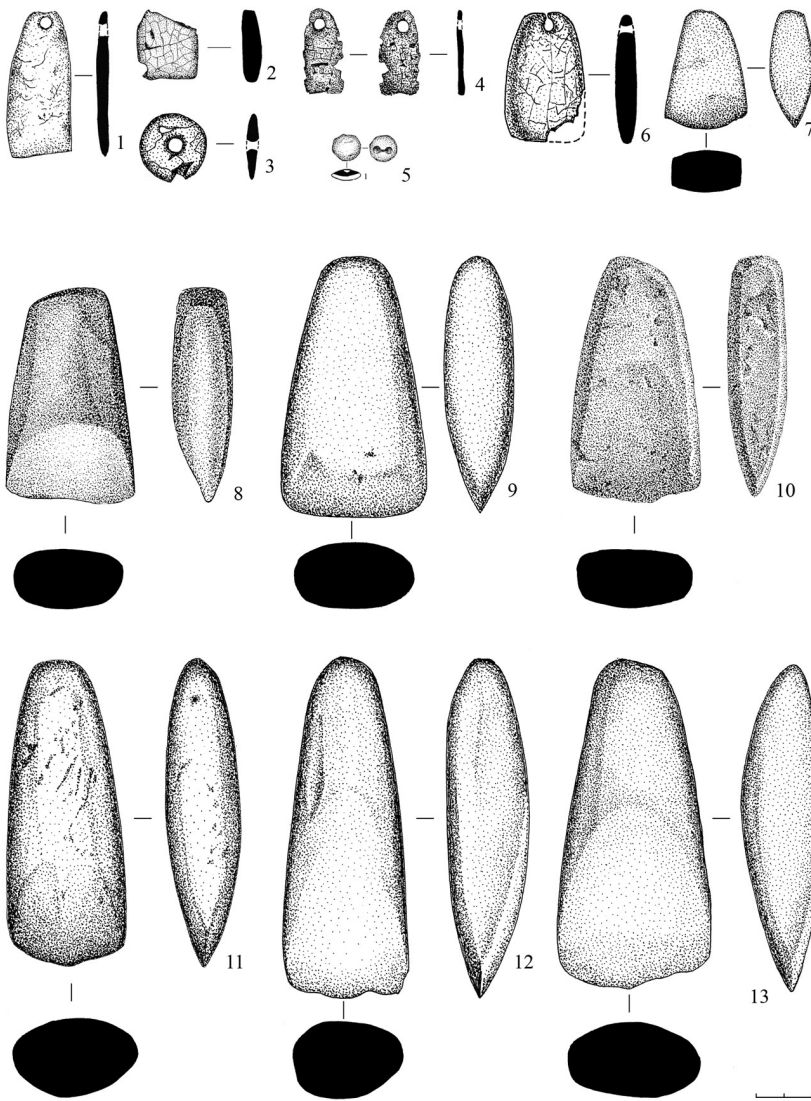

Рис. 3. Поселение Прибрежное. Изделия из камня и янтаря с нижнего уровня заполнения построек (художник А.П. Сутягин). Изделия из янтаря (1–6); миниатюрный топорик из яшмы (7); топоры трапециевидной формы (8–13)

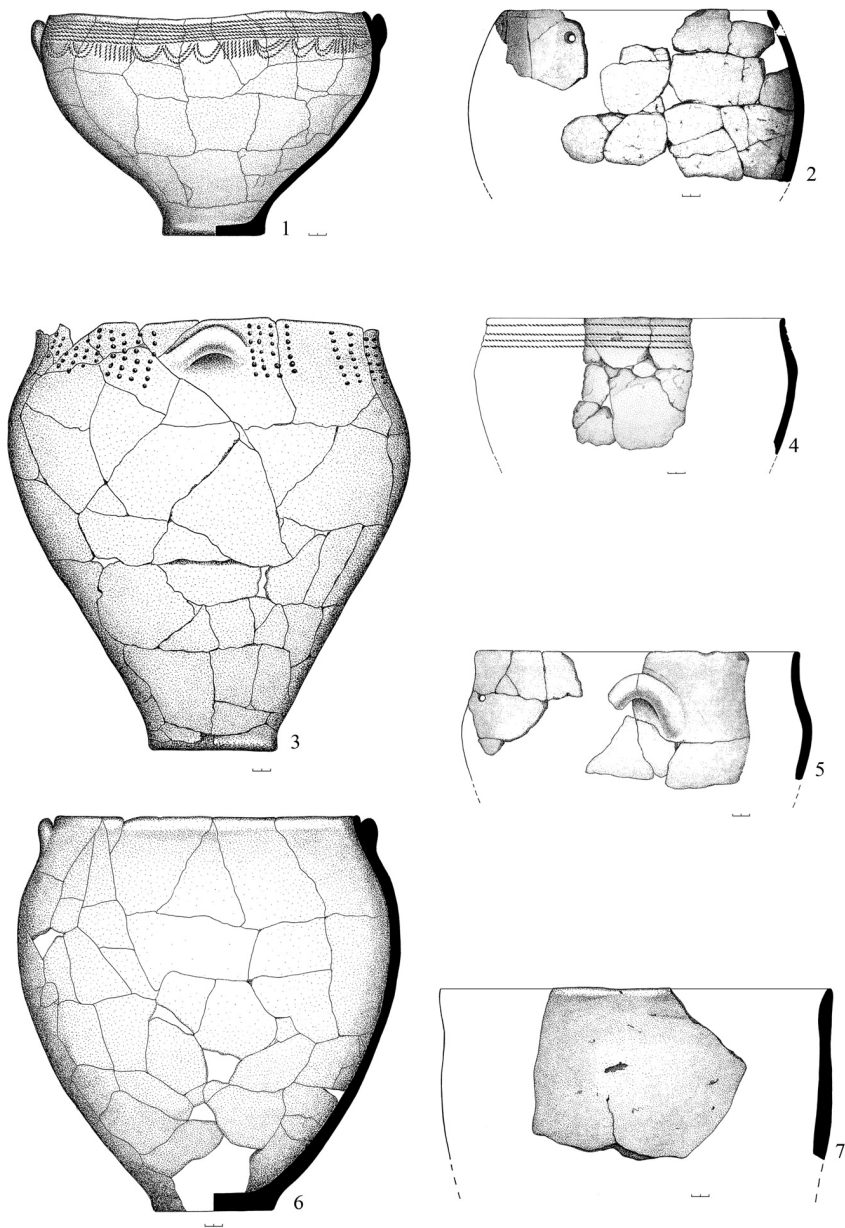

Рис. 4. Поселение Прибрежное. Керамика с нижнего уровня
заполнения построек (художник А. П. Сутягин).
Широкгорлые горшки (1–7)

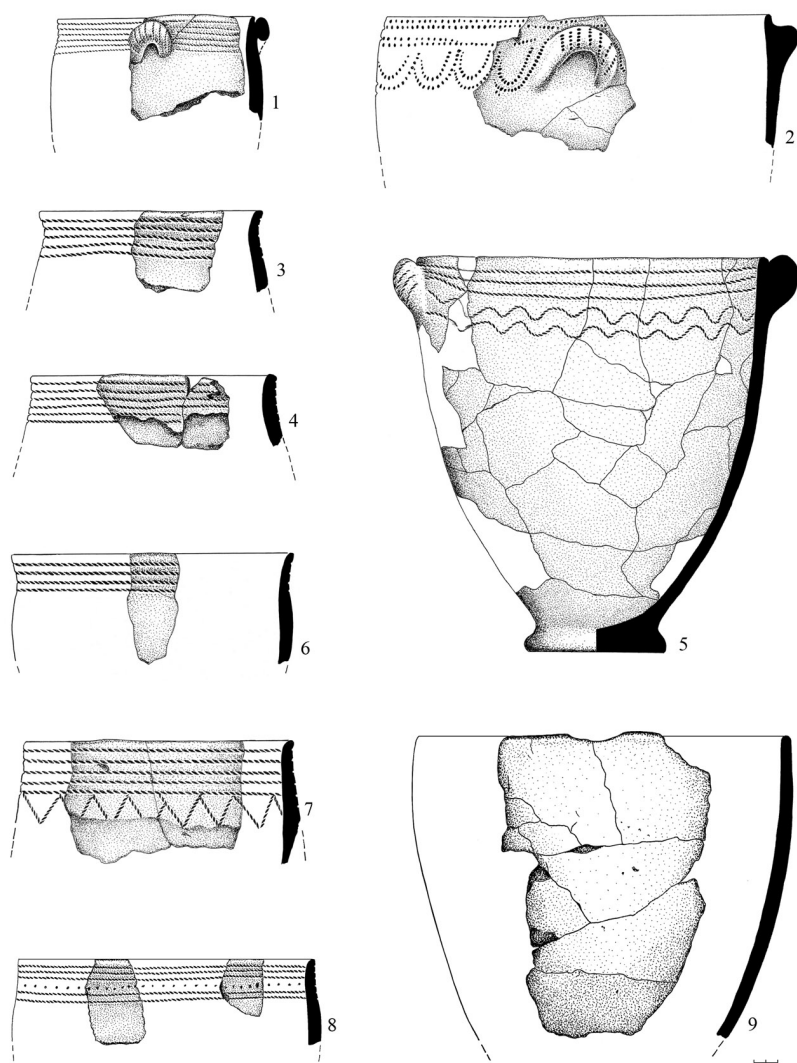

Рис. 5. Поселение Прибрежное. Керамика с нижнего уровня
заполнения построек (художник А.П. Сутягин).
Кубки (1, 3, 4, 6 – 8); сосуды кубковидной формы (2, 5, 9)

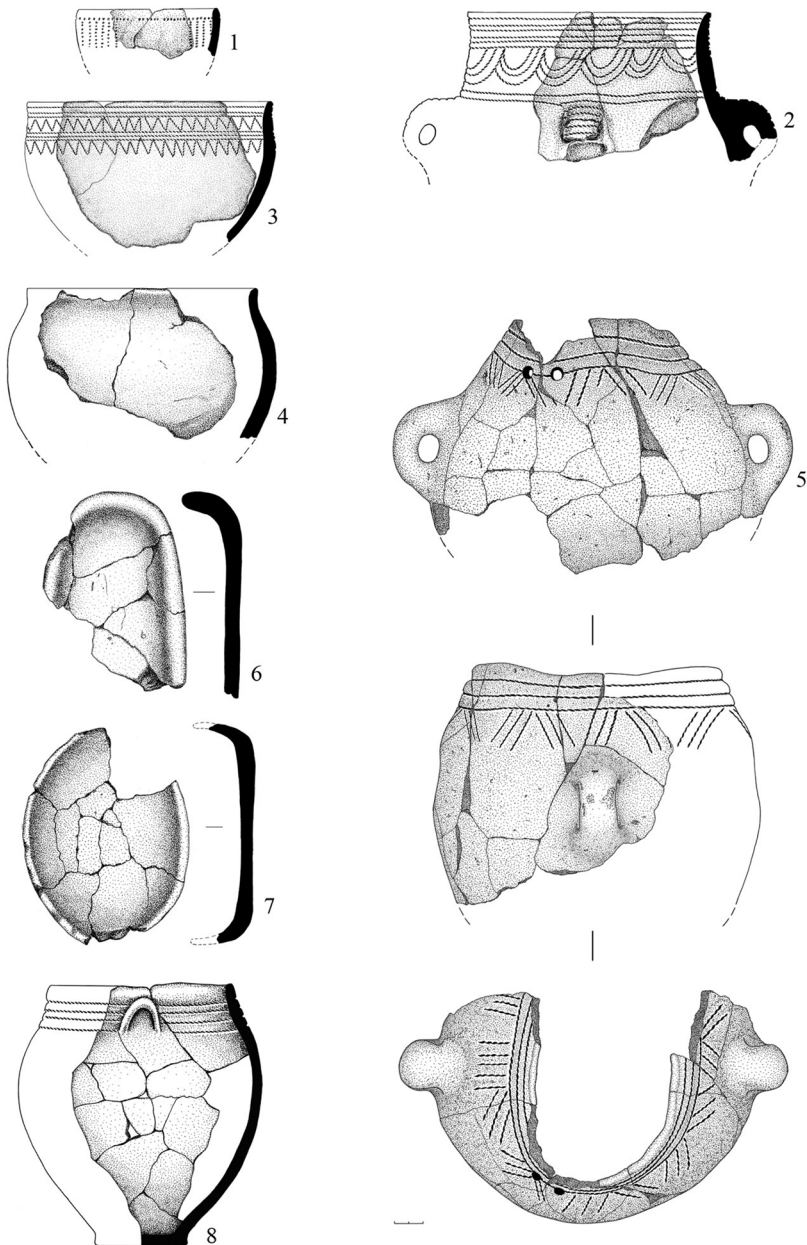

Рис. 6. Поселение Прибрежное. Керамика с нижнего уровня
заполнения построек (художник А. П. Сутягин).
Глубокие миски (1, 3, 4); миски овальной и удлинённо-овальной формы (6, 7),
горшок средних размеров (8); амфоры (2, 5)

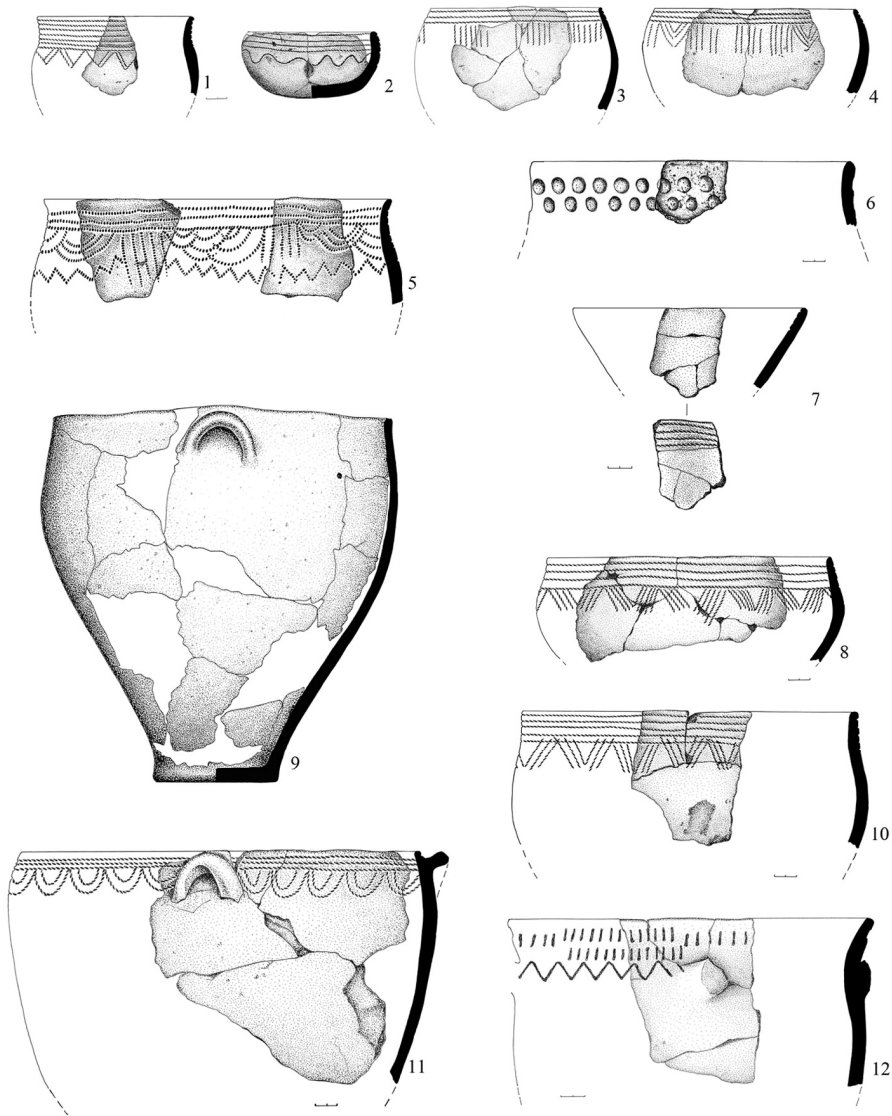

Рис. 7. Поселение Прибрежное, средний уровень культурного слоя (художник А.П. Сутягин). Кубок (1); миска приземистой формы (2); глубокие миски (3, 4); миска воронковидной формы (7); широкогорлые горшки (5, 6, 8 – 12)

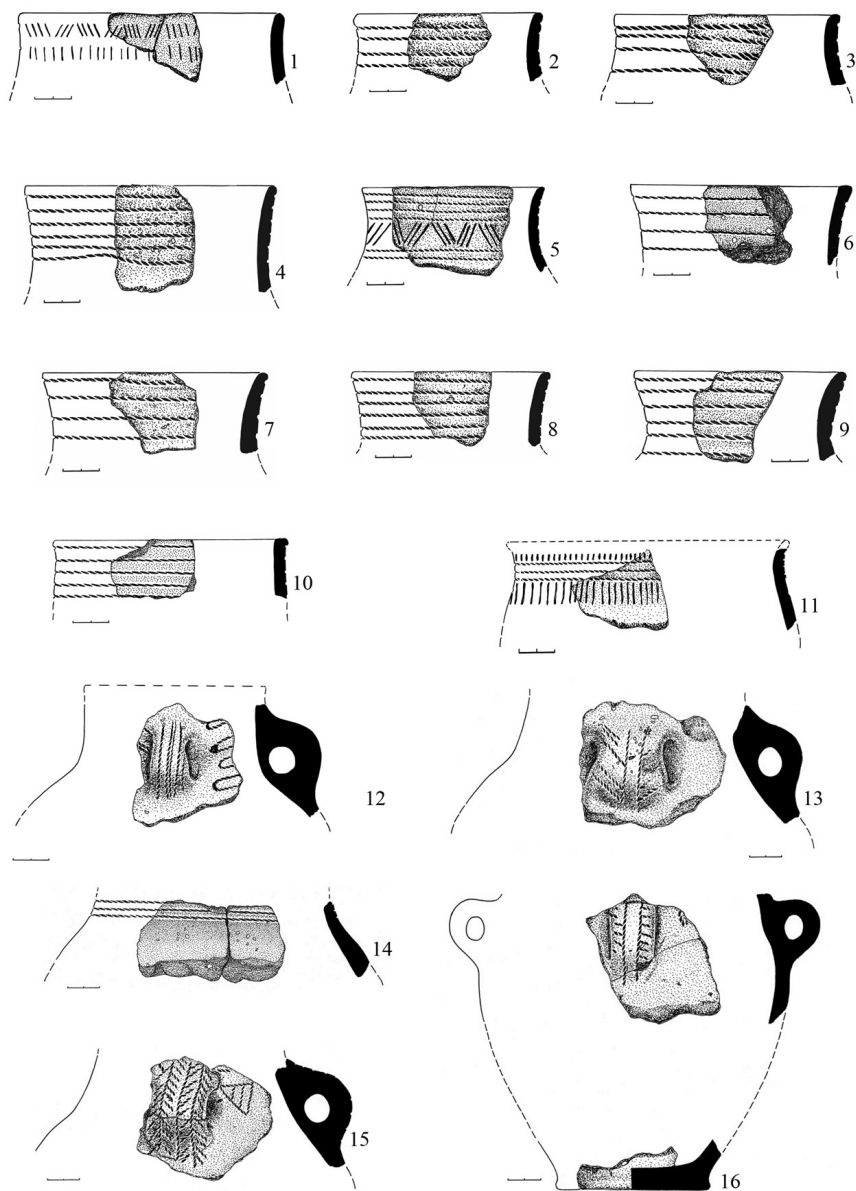

Рис. 8. Поселение Ушаково-3, горизонты 7–12 (художник А.П. Сутягин).
Кубки (1–11); амфоры (12–16)

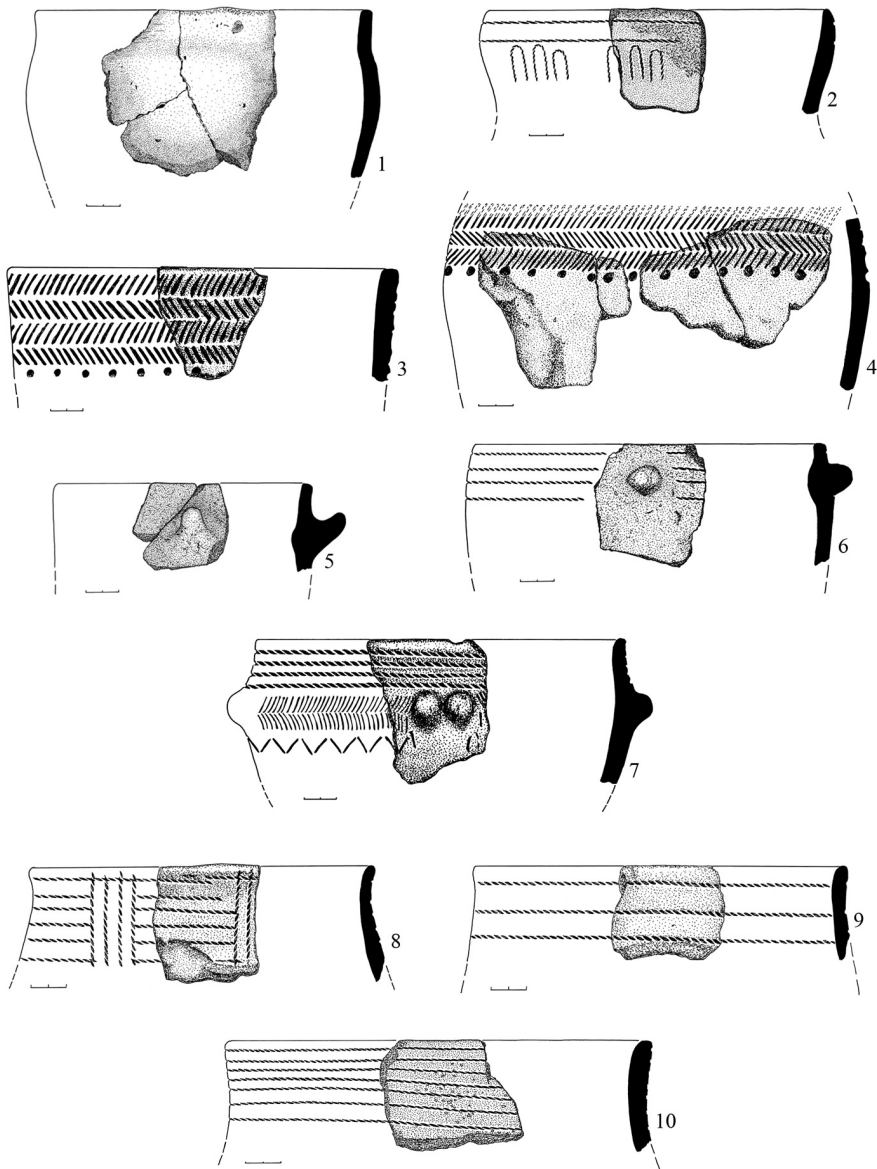

Рис. 9. Поселение Ушаково-3, горизонты 7–12 (художник А.П. Сутягин).
Горшки средних размеров (1, 8, 9); сосуды кубковидной формы (2–6);
глубокая миска (7); широкогорлый горшок (10)

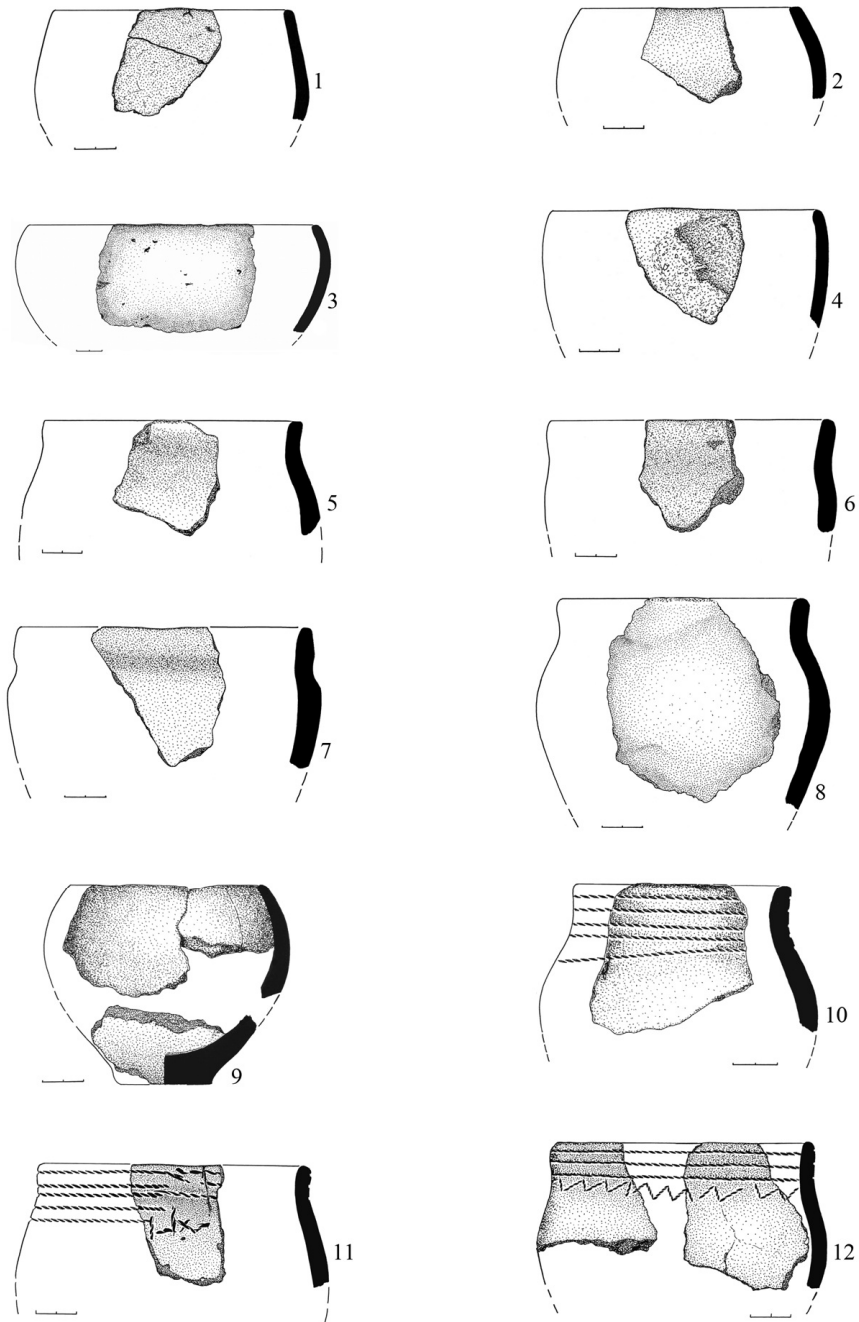

Рис. 10. Поселение Ушаково-3, горизонты 7–12 (художник А.П. Сутягин).
Горшочки бочковидной формы (1, 2, 5–12); глубокие миски (3, 4)

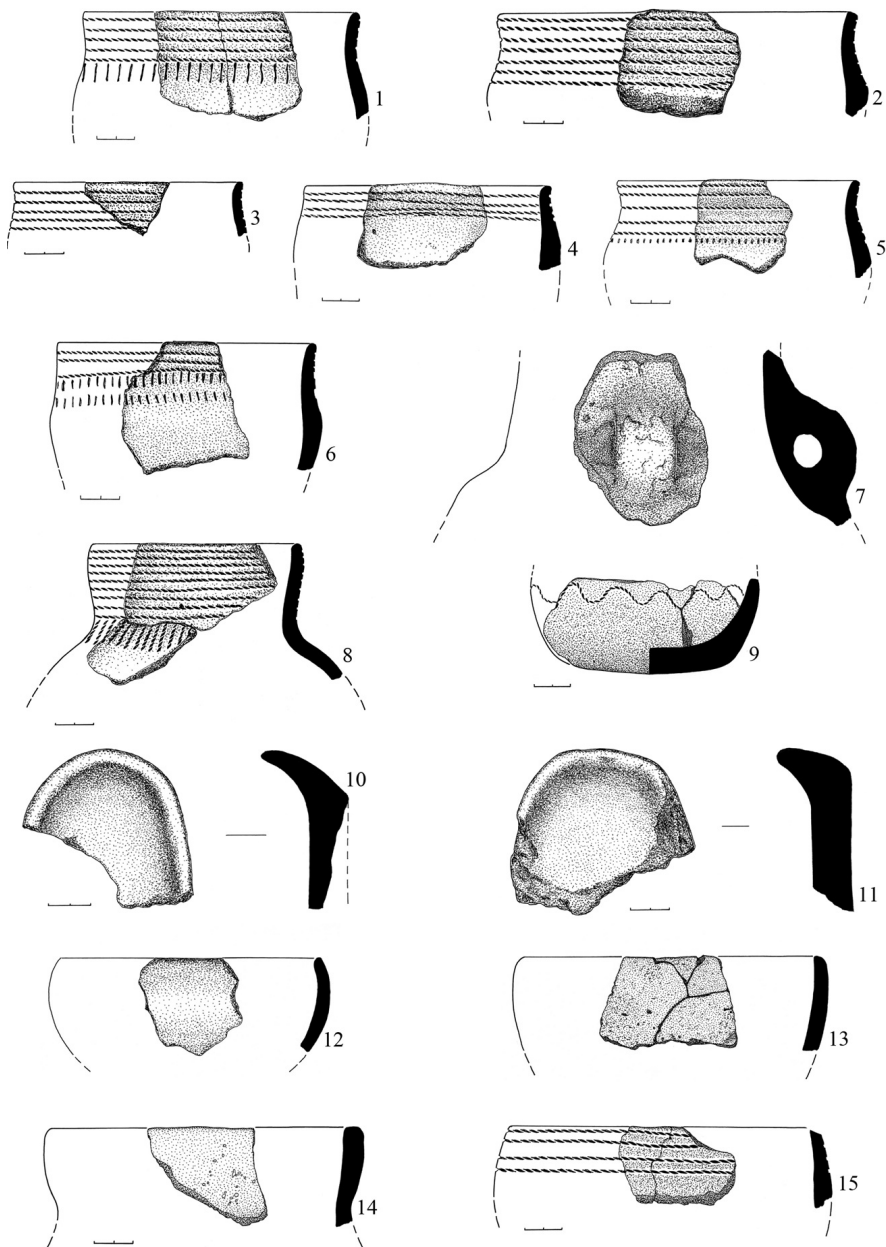

Рис. 11. Поселение Ушаково-3. Керамика раннего типа (8 – горизонт 12, остальные – горизонты 15–19). Кубки (1–6, 14); амфоры (7, 8); миска приземистой формы (9); глубокие миски (12, 13, 15); миски овально-удлиненной формы (10, 11) (художник А. П. Сутягин)

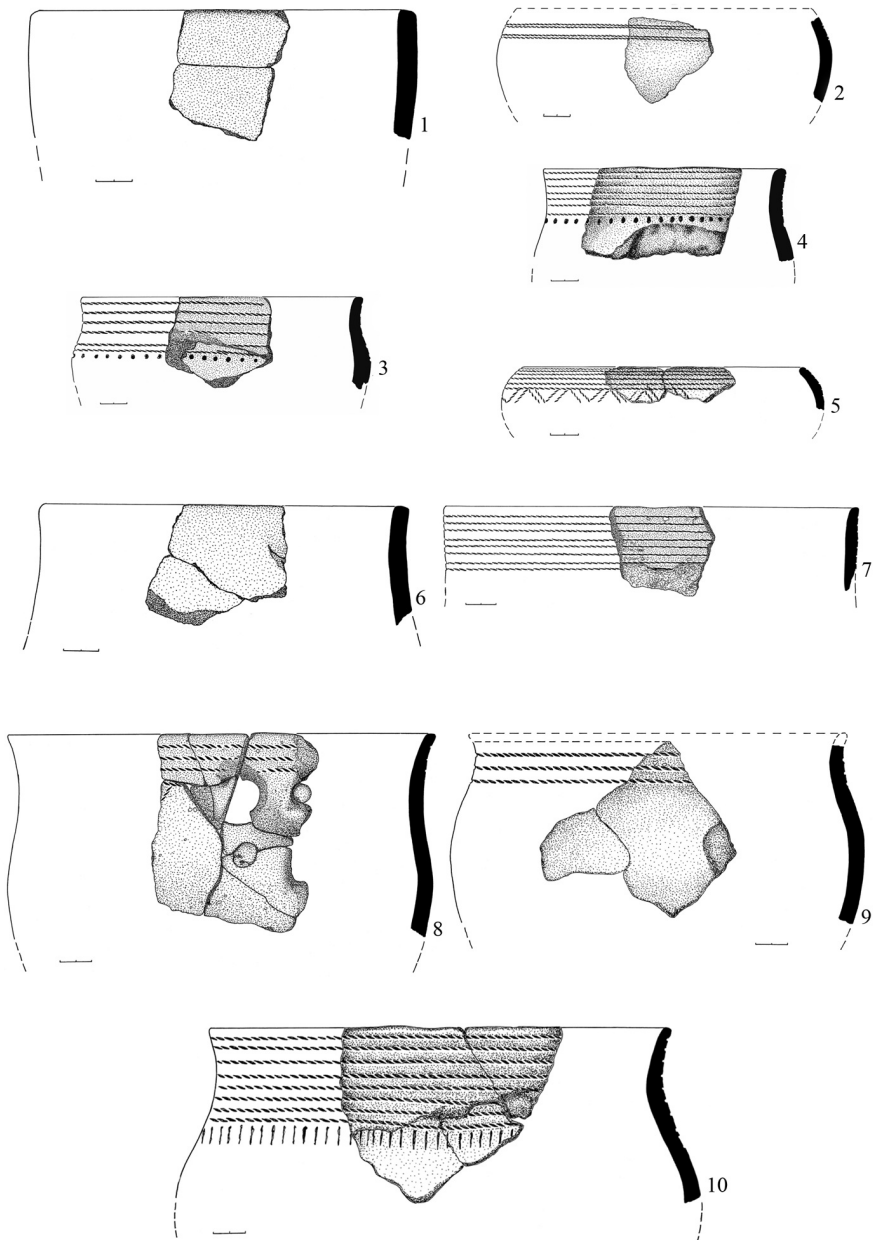

Рис. 12. Поселение Ушаково-3. Керамика раннего типа
(1, 3, 4, 10 — горизонт 12; 2, 5–9 — горизонты 15–19).
Сосуды кубковидной формы (1, 3, 4); широкогорлые горшки (2, 5–10)

Список литературы

1. Зальцман Э. Б. Поселения культуры шнуrowой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики. М., 2010.
2. Зальцман Э. Б. Северо-восточное побережье Вислинского залива в эпоху неолита и раннего бронзового века (вопросы хронологии и культурной принадлежности) // *Na rubieży kultur*. Białystok, 2011. S. 55–65.
3. Лакіза В. Л. Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння. Мінск, 2008.
4. Манастэрски Д. Культурный синкретизм общественных образований региона Мазурских озер в конце неолита и в начале эпохи бронзы (по итогам исследований керамического материала) // *Проблемы балтийской археологии*. Калининград, 2014. Вып. 2. С. 101–116.
5. Римантене Р. К. Культура шнуrowой керамики в Прибалтике // *Новое в археологии СССР и Финляндии*. Л., 1981. С. 34–40.
6. Римантене Р. К. Хронология неолита Западной Литвы // *Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии*. СПб., 2004. С. 155–162.
7. Тимофеев В. И. Памятники типа Цедмар // *Неолит Северной Евразии*. М., 1996. С. 162–165.
8. Antanaitis-Jacobs I., Girininkas A. Periodization and Chronology of the Neolithic in Lithuania // *Archaeologia Baltica*. Vilnius, 2002. Vol. 5. P. 9–39.
9. Beran J. Funde der Einzelgrabkultur im Bezirk Magdeburg. Halle, 1990.
10. Butrimas A., Ostrauskienė D. Biržulio apyžerio neolito gyvenvičių virvelinė keramika // *Kultūrinio landšafto raida Žemaičių aukštumoje* / ed. A. Butrimas. Vilnius, 2004. P. 121–144.
11. Furcholt M. Die absolutchronologische Datierung der Schnurkeramik in Mitteleuropa und Südsandinavien. Bonn, 2003.
12. Gaerte W. Die steinzeitliche Keramik Ostpreußens. Königsberg, 1927.
13. Glosik J. Kultura strzyżowska // *Materiały starożytne*. 1968. T. 11. S. 7–114.
14. Gumiński W. Kultura Zedmar. Na rubieży neolitu “zachodniego” // *Od neolityzacji do początków epoki brązu* / ed. J. Czebreszuk, M. Krywałtsevič, P. Markowicz. Poznań, 2001. T. 2. S. 133–152.
15. Hecht D. Das schnurkeramische Siedlungswesen im südlichen Mitteleuropa. Heidelberg, 2007.
16. Kadrow S., Machnik J. Kultura mierzanowicka. Chronologia, taksonomia i rozwój przestrzenny. Kraków, 1997.
17. Kilian L. Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn, 1955.
18. Król D. Excerpts from Archaeological Research at Rzucewo, Puck Region // *The Built Environment of Coast Areas during the Stone Age* / ed. D. Król. Gdańsk, 1997. S. 135–150.
19. Król D. Elementy zabudowy osady późnoneolitycznej na przykładzie Osłonina i Rzucewa // *Aktualne problemy epoki kamienia na Pomorzu* / ed. M. Paner, H. Fudziński. Gdańsk, 2009. S. 331–336.
20. Krzak Z. The Złota Culture. Ossolineum, 1976.
21. Machnik J. Krąg kultury ceramiki sznurowej. *Prahistoria Ziemi Polskich*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979. T. 2. S. 337–411.
22. Machnik J. “Rzucewo Culture” and the Early Horizon of the Corded Ware // *The Built Environment of Coast Areas during the Stone Age* / ed. D. Król. Gdańsk, 1997. S. 128–134.
23. Manasterski D. Pojezierze Mazurskie u schyłku neolitu i na początku epoki brązu w świetle zespołów typu Ząbie-Szestno. Warszawa, 2009.

24. *Mazurowski R.F.* Prahistoryczne bursztyniarstwo na Żuławach Wiślanych. Malbork, 2014.
25. *Rimantienė R.* Nida. Senųjų baltų gyvenvietė. Vilnius, 1989.
26. *Rimantienė R.* Die Haffküstenkultur in Litauen // *Praehistorica*. Praha, 1992. Bd. 19. S. 301–305.
27. *Rimantienė R.* Neolitas ir ankstyvasis žvalvario amžius Pietų Lietuvoje // *Lietuvos Archeologija*. Vilnius, 1999. T. 16. P. 19–29.
28. *Rimantienė R.* Die Bernsteinerzeugnisse von Šventoji // *Baltic amber* / ed. A. Butrimas. Vilnius, 2001. P. 87–98.
29. *Szmyt M.* Społeczności kultury amfor kulistych na Kujawach. Poznań, 1996.
30. *Szmyt M.* Between west and east people of the Globular amphora culture in Eastern Europe: 2950–2350 BC. Poznań, 1999.
31. *Tetzlaff W.* The Rzucewo Culture // *The Neolithic in Poland*. Wrocław ; Warszawa ; Kraków, 1970. S. 356–365.
32. *Witkowska B.* Corded Ware Culture settlements on Central European Uplands // *Sprawozdania archeologiczne*. 2006. T. 58. S. 21–72.
33. *Włodarczak P.* Kultura ceramiki sznurowej na wyżynie małopolskiej. Kraków, 2006.
34. *Żurek J.* Osada z młodszej epoki kamiennej w Rzucewie, pow. Wejherowski, i kultura rzucewska // *Fontes Archaeologici Posnaniensis*. Poznań, 1954. T. 4. S. 1–42.

Об авторе

Эдвин Борисович Зальцман — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта; Институт археологии РАН, Калининград.
Email: edwin_zalcman@mail.ru

About the author

Dr Edwin Saltsman, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad; Research Fellow, Institute of Archeology of Russian Academy of Science, Moscow.
Email: edwin_zalcman@mail.ru